

ГАЛИНА ГОЛИЦЫНА

КОНЕЦ СВЕТА

УМНИЦА + КРАСАВИЦА
КНИГА 1

Умница + Красавица

Галина Голицына

Конец света

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Конец света / Г. Голицына — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Умница + Красавица)

Две подруги: одна — красивая, но легкомысленная, другая — невзрачная, но умная, обе авантюристки и зачинательницы многоходовых комбинаций по добыванию «больших» денег, попадают в различные криминальные ситуации, но всегда выходят сухими из воды. Их приключения полны риска и неожиданных поворотов судьбы, однако Фортуна — на их стороне, и нерушимый союз умницы и красавицы непобедим!

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Книга 1	5
Глава 1. Солнечное затмение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Галина Голицына

Конец света

Книга 1

Глава 1. Солнечное затмение

Всё начиналось вполне невинно и даже мило: у меня на ноге случился перелом. По счастью, сломалась не вся нога, а только палец, но гипс наложили выше щиколотки, и я тут же превратилась в уточку-хромоножку. Особой боли не было, особых неудобств – тоже. Перемещалась я теперь хоть и не на двух ногах, но и не на одной, а так, на полутора: делала полновесный шаг здоровой правой ногой и шаг приставной – загипсованной левой, опираясь на пятку.

И всё бы ничего бы, да событие это сильно спутало мои планы и надежды. Дело в том, что на 11 августа был назначен конец света в связи с ожидаемым солнечным затмением, и всё прогрессивное человечество с весёлым ужасом ожидало Судного дня. Во всех обстоятельных беседах, во всех бытовых разговорах на ходу рефреном звучало: «Мы, конечно, не верим этой ерунде, но... А вдруг правда?...». Этот здоровый дебилизм передался и мне. Я подумала, что наблюдать конец света интереснее всего там, где он будет наиболее полным. А максимальный процент затмения обещали на югах, в частности, на Черноморском побережье. Это было очень кстати. Толпы отдыхающих кругом, – а на миру, как известно, и смерть красна. Двухмесячное отсутствие дождя, раскалённый воздух, море, прогретое до температуры лечебной ванны – в общем, самая что ни на есть курортно-пляжная погодка. А перед обещанным отбытием в мир иной хорошо бы напоследок хватануть нехитрых радостей земного бытия. Словом, ничего другого не оставалось, надо было ехать в Крым.

Да что я всё о себе, любимой... Я же не одна живу на белом свете. Вокруг меня копошится столько народу: суеверная и суетливая мама, весёлый и безалаберный папа (папа-растяпа, как ласково зовут его в семье), мой серьёзный и страшно положительный брат, его невероятно умная и невероятно красивая жена, их прелестные дочки-близняшки – вот нас сколько! Правда, брат со дня своей женитьбы живёт отдельно от нас (меня, мамы и папы-растяпы), но пред грозным ликом надвигающегося катаклизма я решила сплотить семью, чтобы счастье было полным и неотвратимым, как в сказке: «... и умерли в один день».

Брат, правда, не собирался ни умирать, ни пляжничать. Он лениво, как Бурёнка от слепней, отмахивался от моих просьб, вздыхая:

– Ну какой там Крым? У меня сейчас самая работа, клиент валом валит, я круглосуточно то на телефоне, то на переговорах...

Брат мой трудится в должности директора турагентства. Летом у них самая что ни на есть работа, и изымать его из оборота-круговорота именно в августе – это, конечно, большое свинство с моей стороны. Но такой уж у меня характер: если чего решила – всё. Костью лягу, но своего добьюсь. Кремень, а не характер. Стою скалой гранитной, нерушимой. Стою насмерть до тех пор, пока сама не передумаю. А всякие невнятные отговорки типа «запарка на работе», «дел много», «денег нет» меня только смешат. Да и то не сильно.

Но на сей раз я повела атаку по всем правилам, очень умно и хитро (так мне казалось):

– Витенька, ты бездушный эгоист. Клиентам – совершенно чужим людям – ты шикарные кругосветки организовываешь, а родная жена всё лето в пыльном городе сидит...

– Мы с ней осенью в Японию летим.

– Да уж, в Японию... Вы по три раза на год то летите, то плывёте, а дети?

– Им хорошо на даче с бабушкой.

На даче с бабушкой, Витиной тётшей, им действительно было хорошо: вольготно, весело, надёжно. Я знала это доподлинно, но продолжала противно канючить:

– Что ж, они не такие, как все? Всех на лето к морю везут, а наши – что, не заслужили?

– До трёх лет детям не рекомендуют менять климатическую зону, – пояснял мой начитанный и рассудительный брат.

– А им уже три с половиной! – торжествовала я. – По всем правилам выходит – пора. Да ты и о себе подумать должен. На тебя смотреть жалко: похудел, пожелтел, осунулся, одистрофился...

Враньё, конечно, было полное. Брат являл собой образец не дистрофика, а былинного богатыря: та же стать, тот же рык, та же русая головушка, шёлкова бородушка (лопатообразная), та же извечная славянская синь в глазах и широта души – ну, необыкновенная.

То есть и ежу было понятно, что я бессовестно вру, но я смело продолжала подлизываться:

– Не жалеешь ты себя, соколик наш ясный! И всё-то ты в трудах, всё-то в заботах! – Мне казалось, я верно нащупала интонацию: «Плач Ярославны», ни больше ни меньше. – Всё деньги зарабатываешь, а заработаешь трудовую инвалидность. – Тут я на всякий случай суеверно прикусила язык, потом вдохновенно продолжила: – И на кого мы все останемся? Ты же столько народу на себе тянешь!

Вот что правда, то правда. Считается, что на свои доходы Витя содержит себя, жену, детей, тётшу, своих родителей и меня, бестолковую.

Ну, что касается жены и детей, это понятно и нормально. Что же касается тётши, то тут вышла такая история. Когда красавица Стелла родила двойню, в одночасье превратив свою моложавую мать в многодетную (многовнуковую?) бабушку, у новоявленной бабушки случился несильный, но продолжительный сердечный припадок. Выйдя из припадка, она тут же вошла в ступор и долго отказывалась понимать, что два возникших из небытия орущих младенца – её родные внуки, её кровиночки, коих полагается любить, холить и лелеять. Она спасалась от них бегством на работу, где сидела до позднего вечера, изображая из себя незаменимого работника, и, видимо, рассчитывала отсидеться там ближайшие два десятилетия – до совершеннолетия кровиночек. Доходило до абсурда. Поскольку Стелла с Витей, измученные ночью детским криком, днём засыпали в любой позе, в любом месте и по любому поводу (лёжа в ванне, сидя на унитазе, стоя у плиты над половодьем сбежавшего молока), мы с мамой по очереди ходили им помогать. Мы кормили, купали, укачивали детей, стирали и гладили монбланы пелёнок и эвересты распашонок, убирали квартиру и готовили обеды на всю их семью. А что было делать? Стеллу и Витю мы искренне жалели, в детей как-то сразу влюбились и даже почти не обижались на их младенческий эгоизм и некрасивую привычку просыпаться и орать по очереди, из-за чего один из младенцев постоянно находился на руках и в другой комнате, на безопасном расстоянии от младенца спящего. И ведь правду говорят: между близнецами существует необъяснимая телепатическая связь. Как только орущий младенец успокаивался и засыпал, второй тут же с готовностью подхватывал эстафету, немедленно просыпался и орал не своим голосом. Никто из них ни разу не подвёл другого, не перепутал очерёдность, не проспал, и потому ор в квартире стоял круглосуточно. В глазах молодых родителей тоска становилась всё беспросветнее, и я душой, затылком, кожей чувствовала, как сильно им хочется повыбрасывать кровиночек в окно. Вот это был настоящий конец света! Я жалела бестолковых кровиночек, жалела их истерзанных родителей, в дни своего дежурства старалась переделать в их доме как можно больше работы, а в те дни, когда вахту несла мама, я заваливалась спать чуть ли не в семь часов вечера, чтобы набраться побольше сил и как можно лучше отстоять пост у колыбелек.

Ближе к десяти вечера подгробала хозяйка дома и, поедая приготовленный мамой обед, у мамы же искала сочувствия:

– Представляете, что мне приходится терпеть? А ведь мне утром на работу!

– Мы с Ниночкой тоже работаем, – устало напоминала мама.

– Да что там вы! – презрительно отмахивалась та. – Вы домой пришли и спокойно спите. А мне предстоит этот концерт всю ночь слушать.

– Я слушаю его с трёх часов дня.

Сообразив, что сочувствия здесь не дождётся, эта непонятая и страдающая женщина закатывала глаза и удалялась в свою комнату обижаться на несправедливую судьбу-злодейку. Она очень радовалась удачному замужеству дочери (мой брат по всем параметрам был блестящей партией), но как-то выпустила из виду, что дети случаются даже вне брака, а уж в браке-то – сплошь и рядом. И очень почему-то досадовала на нас с мамой, как будто мы им этих детей наколдовали.

Я думаю, что этот цирк, этот театр абсурда мог бы продолжаться до сих пор, но случилось непредвиденное: трудовой героизм молодежковой бабушки не понравился начальнику отдела. У него была безобидная привычка время от времени по вечерам устраивать на своей территории посиделки-выпивалки для своих друзей – начальников других отделов – и их аппетитных секретарш. Понятно, что трудовое рвение женщины предпенсионного возраста не вписывалось в этот распорядок дня, то есть вечера. В первый вечер он неосмотрительно похвалил её за прилежание. Через неделю недоуменно приподнял брови. Еще через какое-то время, когда в очередной раз оказалось, что посиделки опять срываются, руководитель открытым текстом попросил трудовую героиню встать и пойти домой, тем более что занята она была не работой, а рассматриванием дамского журнала. Героиня объяснила, что на своём рабочем месте она имеет право сидеть хоть круглосуточно, и снова осталась до позднего вечера. Когда разъяренному начальнику добрые люди пояснили смысл её сидячей забастовки и он понял, что конца этому не будет, то решил вопрос кардинально: спровоцировал ссору, переросшую в конфликт, предложил ей увольняться подобра-поздорову и поклялся, что в любом случае добьётся её сокращения. Она, вспыхнув, тут же написала заявление об уходе, а он тут же его подписал.

Так трудовая героиня в одночасье лишилась тихой гавани, где могла прятаться от реальной жизни с восьми утра до десяти вечера. Ошарашенная и притихшая, она вернулась домой в середине дня с потрясающей новостью. Обрадованная Стелла вручила ей младенцев, и незаменимый работник и ярая общественница тут же, как по щучьему велению, превратилась в любящую бабушку, милую и домашнюю женщину. Она сама назначила себя главной опекуншей девочек. Сначала, подозреваю, она делала это назло несправедливому начальнику и всему белому свету, а потом просто втянулась. И даже разгадала секрет, как утихомирить этих крикушек. Она укладывалась посреди своей широкой кровати, брала одну внучку под правое крылышко, вторую – под левое, и девочки, уткнувшись своими носиками-кнопочками в большую и тёплую бабушку, мирно сопели два-три, а то и четыре часа подряд, чего раньше с ними никогда не случалось. А бабушка в это время млела и балдела, таяла и растекалась сладким сиропом.

Быстро придя в себя в тишине и покое, мой эрудированный брат тут же вспомнил, что малыши должны слышать стук сердца, чувствовать тепло и дыхание взрослого, тогда их охватывает чувство покоя и защищённости. А родители клали их то в манеж, то в коляску, но никому из них не пришло в голову обкладываться детьми, как грелками.

С тех пор многодетная бабушка каждому свежему человеку рассказывает со светлой печалью сказку о том, что она исключительно ради внучек бросила блестящую карьеру (в занюханной конторе уже почти не работающего завода), а Стелла с Витей тихо счастливы,

ведь наёмной няне пришлось бы платить немалые деньги (близнецы – это вам не шуточки), и это была бы чужая женщина, а так всё-таки родная бабушка.

Маме моей в этом году исполнилось пятьдесят пять лет, и она с чувством глубокого удовлетворения вышла на пенсию. Деньги это, сами понимаете, символические, и без финансовых вливаний моего брата жить было бы тяжело. Папе всего пятьдесят четыре, а для мужчины это, конечно, не возраст, о пенсии мечтать ещё рано, а работы вокруг не стало никакой. С прежнего места его уволили за слишком весёлый нрав и полную беспечность, все вновь образовавшиеся вакансии типа рабочего на бензозаправке, сторожа на автостоянке папа просто прошляпил, их заняли другие люди, и наш безалаберный и добрый папа-растяпа тоже повис на крепкой Витиной шее.

Что же касается меня... Я в семье считаюсь неудалой. Безалаберная, как папа, суевренная и непробивная, как мама, и ленивая, как все ленивцы южноамериканских тропиков, вместе взятые, – это уже от себя лично. Витя всю жизнь со мной нянчится, опекает, наставляет, помогает, но всё без толку. Не в коня корм.

Вы, наверное, думаете, что брат лет на десять старше меня? Многие так думают. Держитесь крепче, а то упадёте. Мы с ним – двойняшки. Да-да, тоже близнецы. Причём в двойне я старшая. Ирония судьбы, не иначе. Или просто мама родила меня намного раньше срока. На несколько лет раньше положенного.

Если перечислить все заслуги и деяния Виктора, создастся впечатление, что речь идёт о мужчине средних лет (лет сорока) из тех, кого называют «справный мужик». Себя же я ощущаю несовершеннолетней дебютанткой на празднике жизни. А на самом деле нам по двадцать восемь. Стелле только двадцать пять, но она относится ко мне с материнской нежностью и жалостью, всё прощает и опекает, как слабоумную младшую сестрёнку. А может, таким образом благодарит за неоценимую помощь в воспитании детей в первые недели их жизни. Я очень её за это люблю. Вообще я страшно люблю, когда со мной возятся, жалеют, опекают, балуют.

Мама обо мне сокрушается:

– Я понимаю, что в семье обычно не без... такого. Но чтобы настолько...

А папа ободряюще хлопает по плечу:

– Мы с тобой одной крови – ты и я. А без нас, чудачков, мир был бы серым.

В старших классах наши девчонки все поголовно стали увлекаться хиромантией, астрологией, картами Таро, чёрной магией и прочей ерундой. Я тоже честно пыталась увлечься, но дальше разгадывания имён дело не пошло. Ну, про то, что «Виктор» значит «победитель», мы проходили ещё в детском саду. И Витя удивительно соответствовал своему имени. Он всегда был победителем – в спорах, в спортивных соревнованиях, в школьных олимпиадах по всем предметам сразу. Я – Нина, и думала, что у моего имени – грузинские корни. И тут вдруг я узнаю, что «Нина» (точнее, «нинья») то ли по-испански, то ли по-итальянски означает «малышка, дитя». Ах, вот в чём дело, – думаю. Мы же имена себе не выбираем. Выходит, нам вместе с именами навязывают в закодированном виде характер, судьбу. Словом, как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. А раз так, решила я, то нечего и дёргаться. В общем, склеила я ласты и плыву себе по течению.

Сейчас работаю в одной маленькой газетке. Громко именуюсь «корреспондентом», но освоила все редакционные профессии, поскольку нас в редакции всего трое, и все мы – универсалы. Корреспондентство моё заключается в основном в изучении более солидных, чем мы, изданий на предмет поиска и воровства интересных публикаций и всяких там рецептов-кроссвордов. Иногда, правда, приходится и самой фотоаппаратом пощёлкать, иногда – придумать текстовки к чужим снимкам. Иной раз и настоящее интервью возьмёшь. А то, сидя за столом, сочинишь очень достоверный «социологический опрос на улицах города». Ну, в день сдачи номера могу вычитать корректуру. Вот и все наши нехитрые радости.

Правда, газетка почему-то держится на плаву (подозреваю, что только из-за телепрограммы), а мы имеем свои небольшие зарплатки и краснокожие удостоверения, на которых золотом вытиснено гордое слово «ПРЕССА».

Когда речь заходит о моей работе, Витя брезгливо морщится:

– Как ты всерьёз можешь заниматься этой бесперспективной ерундой?

А Стелла только сочувственно качает головой и печально смотрит на меня своими загадочными бирюзово-зелёными глазами. На фоне жгуче-чёрных волос глаза кажутся особенно яркими, они излучают прохладно-спокойный звёздный свет, и я, глядя в эти потрясающие глаза, каждый раз вспоминаю, что «Стелла» значит «звезда».

Убогая зарплатка меня вполне устраивает. О наличии продуктов в холодильнике заботятся родители (на Витины деньги), за модой я не гонюсь и скромно довольствуюсь грудой фирменных вещей, которые мне ежегодно привозят из своих поездок брат с женой. Зарплатки моей вполне хватает на метро и мороженое, и я всем довольна. Единственное, что грызёт душу, – скука. Я обожаю лениться, но скучать не люблю.

Моя боевая подруга Женька, которая с юных лет хранит верность всей оккультной галиматье, вдруг с таинственным видом сказала мне, что затмение солнца – это развлечение для плебеев, а вот она гадала на меня, и вышло, что именно в эти дни в моей жизни произойдёт персональный катаклизм, который круто изменит всю мою жизнь. Посоветовавшись, мы решили, что наконец-то появится мой суженый-ряженный. А что ж ещё можно было предположить? Приглашение работать в команде Президента, избрание королевой красоты, карьера телеведущей, миллионный выигрыш в национальной лотерее – ничего такого мне не светило. А какие ещё события можно считать судьбоносными? Перебрав все возможные варианты, мы с Женькой остановили свой выбор на встрече с мужчиной всей моей жизни.

И я, стряхнув с себя обычную лень, развила бурную деятельность по подготовке к знаменательному дню. Во-первых, я решила, что встреча наша должна быть очень романтической, а ничего романтичнее пляжа я не придумала. Во-вторых, у меня потрясающе красивые купальники, целых три, и почему бы их не продемонстрировать всему миру вообще и Мужчине всей моей жизни – в частности? А поскольку и погода в Крыму была подходящая, и затмение там обещали красивое, то с местом судьбоносной встречи я определилась.

Но поскольку к самостоятельной жизни я не приучена, пришлось сколачивать себе свиту. Ну, мама-папа – это понятно. Всё равно сидят дома и ничем не заняты, пускай тоже проветрятся. Но мама с папой приспособлены к жизни не лучше меня. Всегдашняя наша опора – Витя. С ним же, как в советском анекдоте, «будут ещё четверо». И всех их предстояло уговорить, каждому персонально обосновать спонтанную поездку. Затея казалась невыполнимой, но неожиданно все согласились. Отказалась только мама Стеллы, ей жалко было бросать свои дачные огурчики-помидорчики. Остальные без особого желания, но всё же ехали. Я не верила своей удаче, боялась, что в последний момент что-то произойдёт. И произошло. Я сломала палец. Опять получился театр абсурда. В Крым рвалась только я. Остальные ехать не хотели. И вот они всё же уехали, а я осталась. Собственно, из таких парадоксов жизнь часто и складывается, но как же быть с судьбоносной встречей?

Женька, приехавшая утешать и опекать меня, со знанием дела объяснила:

– Судьбу, говорят, и конём не объедешь. Значит, его, твоего героя, в Крыму нет, и небо уберегло тебя от зряшной поездки. А встретишь ты его здесь, в Киеве.

– Где это «здесь»? – скривилась я. – Что ли, по дискотекам я буду бегать со своим гипсом? Да мне вообще из квартиры выходить не велено. А в квартире его нет, сама посмотри: ни под кроватью, ни в шкафу, – нигде!

Вдруг Женьку осенило:

– Слушай, подруга, а кто тебя гипсовал?

Я поскучилась:

– Кто, кто... Конь в пальто. Нет, я тоже сначала размечталась: вот захожу я в приёмный покой, а навстречу мне травматолог, юный и прекрасный, высокий и принцобразный, длинные аристократические пальцы и взгляд с поволокой. Выходит он ко мне, смотрит в глаза и говорит сексуальным баритоном: «Ниночка, я ваш навеки!» – и падает к моим ногам. Мне даже в животе холодно стало от такой картины. Сижу, в общем, жду. Выходит ко мне травматолог...

– ...женщина... – понимающе скривилась Женька.

– Нет, представь себе, мужчина. Очень пожилой и не очень трезвый. И что обидно, в глаза мне даже не заглянул, сразу за палец больной схватился. Чтобы не упасть, наверное. Я взвыла и лягнула его здоровой ногой по коленке. А он, представь, даже не обиделся. Пьяненько так засмеялся и говорит: «Ну, прыгайте в рентгенкабинет». Я с кушетки встала, а он тут же на неё присел полулёжа, покемарить решил. Ну, сделали мне рентген, наложили лонгету...

– Ногу-то хоть не перепутал? В таком-то состоянии...

– Медсестра гипс накладывала. Пожилая, трезвая, интеллигентная. В общем, там с жениховством полный пролёт...

Мы дружно закручинились.

Тут я хочу заметить в скобках, что Женька – редкая красавица. И что бы она ни делала, всё делает на редкость красиво. Даже кручинится так, что глаз не оторвёшь. Васнецовская Алёнушка, которая у ручья, облезла бы от зависти, если бы смогла увидеть, как красиво и печально печалится Женька.

Всё, что можно сказать хорошего о женщине, применимо к моей подруге. Рост у неё – модельный, стройностью соперничает с натянутой струной, формами – со скрипкой, волосы льются по плечам медно-золотистой волной, глаза – изумруды, губы – спелая вишня. Вот какова моя Женька! Когда она на своих умопомрачительных, бесконечной длины ногах и со своим роскошным бюстом наперевес шествует по улице, мало кому из встречных мужчин удаётся остаться в живых. Она их не просто разит наповал, она их ещё и зомбирует. Несчастные мужики немедленно делают разворот на месте и, подобно крысам из сказки, которые послушно шли за волшебной дудочкой, безвольно и бездумно бредут за ослепительной богиней. Те же, кому при встрече удаётся выжить (исключительно благодаря бдительным жёнам), потом долго вскрикивают по ночам и хватают воздух руками, пытаясь обнять ускользающий образ.

Да-а, всем наделил Господь Женечку, а вот умишком – обделил. Нет, она не то чтобы дурочка, но какая-то наивная, несообразительная и вообще – святая простота.

Была бы Женька поумнее да похитрее, сделала бы со своей внешностью умопомрачительную карьеру. Всем этим Клаудиям, Наоми и прочим Синди пришлось бы идти в разнорабочие, поскольку с Женькой им и рядом не стоять. Но Женька моя свихнулась на честности и порядочности. Говорит: по подиуму шастать и в объектив улыбаться за большие деньги – это дурь, блажь и сплошное иждивенчество. А человек должен работать, приносить пользу обществу и кормиться, жить то есть, исключительно плодами своего труда. И действительно, сама она – человек слова! – уж который год честно трудится элитной проституткой. Тем и живёт.

Со мной же всё обстоит иначе. Я невысокая, худенькая, невзраченькая (вся красота досталась брату), да к тому же лентяйка редкая. Единственное моё достоинство – это природный ум и сообразительность. Причём зачастую соображать я вынуждена сразу и за себя, и «за того парня», например, за Женьку. Наверное, и вправду не может быть женщина одновременно и умной, и красивой, поэтому у нас с подругой получился такой симбиоз, где роли чётко расписаны: она – красивая, я – умная. А вместе мы – сила.

В общем, уехали все мои родственники отдыхать, а меня, полулежачую больную, оставили на попечение подружки. А поскольку подруга она преданная и испытанная, никому и в голову не пришло волноваться о моей судьбе.

Как я уже сказала, Женька порадовалась, что судьба уберегла меня от пустой, бессмысленной поездки, но как помочь мне, загипсованной, встретиться с суженым, она придумать не могла.

И тут я, чтобы отвлечь её от грустных мыслей, неожиданно для себя брякнула:

– Давай-ка лучше я тебя замуж выдам.

Женька сначала удивлённо моргнула, потом понимающе кивнула и молча сунула мне термометр.

Я возмутилась:

– И вовсе я не сошла с ума! И температуры у меня нет. А что, ведь идея-то неплоха! – Я вдохновлялась на ходу. – Красоты у тебя, конечно, ещё навалом, но возраст-то критический! При твоей профессии...

– При моей профессии вообще замуж выходить не принято!

– Ну, всегда что-то случается впервые... Я ведь из самых лучших побуждений хочу пристроить тебя в хорошие руки. Давай займёмся этим, не откладывая.

– Сейчас не могу, – как-то слишком быстро ответила она.

Я всё поняла и показала ей кулак:

– Клиенты твои обойдутся, не помрут. Тебе надо жизнь свою устраивать, дурочка несчастная!

– Нинка, милая, – она умоляюще сложила руки, – тут такой клиент на горизонте замаячил! Раз в жизни такое везение бывает.

– Из чистого золота, что ли, сделан?

– Да почти что. Точнее – из нефти. Шейх какой-то арабский приезжает. На древнерусские красоты ему вроде бы взглянуть захотелось!

– Нефть свою ему продать захотелось...

– И то правда, – легко согласилась Женька. – Только мне ведь это всё глубоко фиолетово: нефть или что там ещё. Главное – денежки-то у него немалые. Как бы это его уговорить со мной поделиться?

Женька смотрела на меня заискивающе, почти умоляюще. Ну вот, опять двадцать пять...

Я поджала губы:

– Генриетта, солнце моё, я что-то не пойму: кто из нас проститутка? – Женька скривилась. – Пардон, гейша...

– Ну, ты у нас, конечно, девушка честная и порядочная – не чета мне. Но ведь и умная – тоже не чета мне. Придумай, как бы половчее интуриста снять. Девчонки наши уже все роли расписали: кто в аэропорту его дожидается, кто у входа в отель встречает, кто у лифта «случайно» сталкивается.

– Нашла о чём волноваться! Да ведь равных тебе нет.

– В этот раз коллеги решили выступить против меня единым фронтом. Даже Зяма сказал, что шансов у меня – никаких. Девицы заявили ему, что если только сунуть к шейху, кислотой меня окатят с головы до ног. Если они так решительно настроены, представляю, какие деньги он с собой везёт, – мечтательно вздохнула она и даже облизнулась.

Зяма – это Женькин сутенёр. Вообще-то Женька свободный художник и работает по вдохновению. Клиентов себе выбирает исключительно по любви. К их деньгам. В работе никакой Зяма ей не указ. Однако он обеспечивает ей «крышу», и она ему за это что-то платит. Зяме, конечно, лестно, что сама Генриетта, королева из королев, числится среди «его девочек». Поэтому он особо не умничает, Женьке не докучает, чтобы, не дай Бог, не перемет-

нулась к другому сутенёру. Но зато он в случае крайней необходимости выступает посредником между Женькой и остальными девицами, которые такую выдающуюся конкурентку, понятное дело, терпеть не могут. Женька их тоже не жалуется, поэтому общается с ними в основном через Зяму. Таким образом, он у неё не столько сутенёр, сколько пресс-атташе.

– А вы уже точно знаете, когда он прилетит и где поселится?

– А как же! – улыбнулась Женька своей роскошной жемчужной улыбкой. – Мы же из гостиницы информацию получили.

– Ну, мало ли... Может, он прилетит другим рейсом... или вообще в другой день... или ещё какой сбой случится...

– Это вряд ли. Он ведь заказал апартаменты, культурную программу, трансфер «аэропорт-отель» и «отель-аэропорт». Там всё чётко.

– Ну так навязалась бы ему в переводчицы.

– Я пробовала. На это даже моего умишка хватило. Но там – всё глухо. Он едет со своими переводчиками. Так что проскочить в отель со свитой мне не удастся, а в одиночку – тем более. Подружки могут слово сдержать.

– Да-а, проблема...

И мы снова дружно пригорюнились.

– Слушай, Жека, – оживилась я. – А что, если тебе в его гарем затесаться? Лицо мануфактурой завесишь, никто и не признает!

– Он без гарема едет. Я узнавала. Свита состоит исключительно из мужского полу.

– Он, часом, не «голубой»?

– Да вроде нет. Нормальный, говорят, мужик. Да, видно, не про нашу честь. Никогда мне до него не добраться! – обхватив свою царственную голову руками, в голос завывала она. Я поняла, что дело тут уже не в деньгах, а в принципе, и назидательно изрекла:

– Никогда не говори «никогда». Я уже придумала выход. Однако попытка будет только одна, поэтому постарайся ничего не испортить.

Женька перестала выть, радостно заглянула мне в глаза и приготовилась слушать. Собственно, ради этого момента она всё и затеяла.

– Итак, чем мы располагаем... Когда он приезжает, ты знаешь?

Она кивнула.

– В каком номере поселится, тоже знаешь?

Она снова кивнула.

– Тогда всё очень просто. Снимаешь номер по соседству и дальше действуешь по обстоятельствам. То ли «случайно» вываливаешься на него из своего номера. То ли глухой ночью как бы спяну тычешь своим ключом в его замок – перепутала, дескать. То ли... Ну, там видно будет.

Её кошачьи глаза уже засветились изнутри, но, всё ещё боясь поверить в удачу, она капризно протянула:

– Да-а... Хорошо тебе говорить... А ты знаешь, какие дорогие номера в том крыле?...

– Значит, так: не ной и не жлобись. Цель, я так понимаю, стоит предварительных затрат.

А не нравится мой план – придумай свой.

Здесь я, конечно, применила запрещённый приём. Перемудрить меня ей не под силу, и мы обе это знаем. Поэтому ей пришлось покорно выслушать меня до последнего слова.

– Номер забронируй заранее. Естественно, по телефону.

– Я могу даже иностранкой представиться. Американкой или шведкой. Как лучше?

– Лучше всего марсианкой. Простота ты моя бесконечная! Где ты шведский паспорт возьмёшь? – Женька тут же скисла. – Так что бронь оформляй на себя.

– Меня же в этой гостинице знают как облупленную.

– Что, даже по фамилии? – не поверила я.

– Нет... Фамилию, кажется, не знают.

– Уверяю тебя, по телефону никто ничего не заподозрит. Только не проговорись, что ты Генриетта. Назовись Галиной. Они же всё равно только инициалы запишут.

– Ну, это ладно. А когда я поселяться буду, меня же узнают. Как думаешь, не выгонят?

– На каком основании? Номер ты забронировала заранее, паспорт у тебя в порядке, деньги платишь, – чего им ещё? Кстати, для пущей уверенности попроси у них заранее счёт и оплаты по безналу. Тогда никакая полиция нравов пикнуть не посмеет. А будут сильно приставать – скажи: ремонт дома затеяла, голову негде приклонить. И вот ещё что: ты должна вселиться за сутки до того, как приедет этот интурист. Так рано подружки твои злокозненные вряд ли выставят пикеты. Но ты всё равно постарайся просочиться незаметно, чтобы не злить их. Закройся на ключ и сиди, носа не высовывай. Даже не заказывай ничего в номер. Еду-питьё с собой прихвати. Смотри телевизор да отсыпайся.

– За целые сутки я могу подкоп сделать в соседний номер, – размечталась Женька.

– Не сомневаюсь. Да только это пустые хлопоты. Перед вселением твоего шейха арабские секьюрити обшарят и обнюхают каждый уголок его номера. Выволокут тебя из твоего лаза и съедят. Или, того лучше, твоим же подружкам и отдадут. Я бы на их месте сделала именно так.

Женька по-настоящему испугалась и посмотрела на меня с уважением:

– До чего же ты серьёзная и мудрая женщина! Не дай Бог заполучить такого врага... Уж лучше я и дальше с тобой дружить буду!

На том и порешили. Женька умчалась подготавливать воплощение идеи в жизнь, а я задумалась над предсказуемостью бытия. Почему-то ведь родилась Женька такой красавицей. Но родилась не в столице, а в деревне. Несчастный случай? Отнюдь. Только на натуральном деревенском продукте, на парном молоке, на свежем воздухе, на вольной воле могло произрасти такое чудо природы. Городские дети ведь как выглядят? Да как ростки картошки в подвале: ломкие, чахлые, бесцветные. Чтобы стать настоящей красавицей, Генриетта должна была вырасти в деревне. Она и выросла. И в город попала с огромным запасом красоты и здоровья. Для справки: мы с ней обе окончили романо-германскую филологию. Только она в проститутки пошла, а я – в корреспонденты дохлой газетки. Мне мои знания негодились, а Женька своим нашла применение. На романских и германских диалектах лопочет бойко, но особая её страсть – экзотические языки. Я подозреваю, что этот нефтяной шейх заинтересовал её сразу по многим причинам. Во-первых, попрактиковаться в арабском языке. Во-вторых, утереть нос ненавистным конкуренткам. Ну, и, в-третьих, конечно, деньги. Задаром она не работает принципиально.

В общем, всё у неё к делу приспособлено: и здоровье, и красота, и языки иностранные, и даже имечко что надо: Генриетта! И как только выдумали такое в деревне! Ведь не Фёклой назвали, не Матрёной... Как будто знали, по какой дороге пойдёт... Или опять-таки имя навязало человеку судьбу?

Мама Генриетты так и живёт в селе, так и работает дояркой на ферме, на дочку свою учёную не надышится и верит – святая простота! – что та работает переводчицей в солидной фирме.

Женьки не было несколько дней. Я за это время намечтала сорок бочек, и все полные: вот выйдет Женька замуж за шейха, станет шахиней... Или шейхиной?... В общем, первой леди. А я буду у неё первой советчицей. Надворной советницей. Вот тут уж мы развернёмся!.. Что я насоветую, то она в жизнь воплотит. И шейхство это неизвестное к рукам приберём!

От сладостных мечтаний меня отрывали только ежедневные звонки моей отдыхающей родни: что я да как я... А что я? Честно отвечала: лежу на диване, смотрю телевизор,

читаю книжки. Нет, кушать не забываю. Женя заходит, еду приносит (где её, кстати, самуто носит?!). В общем, обо мне моя родня не беспокоилась, зато их новости были похожи на сводки с передовой. В первый же день наш папа-растяпа, увидев долгожданное море, на радостях так нырнул, что оцарапал себе нос, лоб и рассёк губу. Так что первый и второй день отдыха вся семья охала над его боевыми ранами, а мама ещё и суетилась с примочками. Потом у малышей случилось расстройство желудка. Потом Витя отстал от экскурсии, Стелла бросилась его искать, в результате оба заблудились и, в общем, наделали переполоху. В этот же вечер подлечившийся папа в одиночку (мама сидела с внучками и поджидала их заблудившихся родителей) отправился на танцы, да так лихо отплясывал с молоденькими партнёршами, что во время исполнения какого-то особо сложного пируэта вывихнул руку. Руку, конечно, в медпункте тут же вправили, но он теперь не может плавать. Нырять же ему запретили ещё по итогам событий первого дня. А сидеть на берегу моря и не иметь возможности ни с пирса нырнуть, ни поплавать всласть – это сродни особо изощрённым китайским пыткам.

И вот травмированный со всех сторон папа жалобно скулит в трубку, а у меня голова идёт кругом от обилия ошеломляющих новостей, и мой больной пальчик кажется несущественной мелочью по сравнению с тем, что происходит в Крыму. До рокового затмения ещё несколько дней, и люди радуются жизни, но для моей семьи, кажется, конец света уже начал разворачиваться по полной программе. Как хорошо, что я нахожусь далеко от эпицентра этого бедлама! Получается, мой перелом – это действительно подарок судьбы?

Женька явилась на четвёртый день – притихшая, довольная, с заплывшим глазом и необыкновенным перстнем: огромный зелёный камень цилиндрической формы в весьма скромной платиновой оправе.

– Сувенир от араба, – пояснила она. – Говорит, очень к моим глазам подходит. Прямо со своего пальца снял и на мой надел. Простой такой дядечка...

– А фингал под глазом – тоже сувенир?

– Ага. Только не от араба, а от Квашни. Вычислила меня всё-таки, подлая тварь.

Квашня – самая бойкая из Женькиных коллег. И самая толстая, за что и удостоилась такого прозвища.

– Как же ты так фраернулась?

– Ну, Ниночка, тут уж постарался Его Величество Случай. Зато с арабом я подружилась без особых проблем.

– А точнее?

– За сутки вынужденного безделья в номере я много чего успела. Подкоп рыть не стала, но дырочку в стене всё-таки провертела.

– Маникюрной пилочкой?

– Скажешь тоже, – фыркнула она. – Стены оказались из гипсокартона. Материал тонкий, но прочный. Я поняла, что своими силами не справлюсь. На моё счастье, дежурным сантехником оказался Кролик – ну, ты его знаешь.

Кролика я знала. Парень получил прозвище за редкую стоматологическую аномалию: один передний зуб у него был обычный, второй – в полтора раза длиннее.

– Я его вообще-то не очень жалею, но тут пришлось приласкать, – а куда денешься? Но зато он притопал с полным набором инструментов и проделал отверстие в моём слое гипса. Ну, а как арабы заселились, я самым наглым образом постучала в дверь, они открыли – пушки наперевес, умора! – а я крик подняла, что они за мной подглядывают. Причём охранники эти вообще безмозглые. Я на них по-английски кричу и по-арабски, они слова-то понимают, а до сути никак не дойдут. Думалкой не вышли. Тут хозяин их выплывает – маленький такой, аккуратненький. Смугленький. Поднимает сросшиеся бровки и на хорошем английском начинает выяснять суть моей претензии. Я же хватаю его за руку, тащу в свой номер

и предъявляю дырку в стене. Это, говорю, у вас специальный «глазок», чтобы за честными девушками подглядывать! Араб глазом к дырочке приник, а там – темно. А что увидишь? Их-то стена цела! Он говорит: как мы можем подглядывать, если не видно ничего? А я: знаю я эти хитрости, со своей стороны дыру картинкой завесили! Он клянётся Аллахом, что никаких картинок, никаких дырок с его стороны нет, и тащит меня в свой номер, чтобы я убедилась. Ну я, конечно, пошла с ответным визитом, да уж больше и не ушла. Он мне сначала коньячку налил – для снятия стресса. Потом – за примирение. Потом – за знакомство. Потом – за дружбу народов. Сперва по мне глазами шарил, потом – руками, ну и... В общем, заночевали.

– Но игра-то хоть стоила свеч?

– Да как тебе сказать... Он росточку-то ничтожного, в пуп мне дышит, а сомнение – о-го-го! Прямо горный орёл! Пополам с ястребом...

– Да я не про то! Получила денег, сколько хотела? Или даже затраты не оправдала?

– Так это как посмотреть. Колечко вот утром подарил. Сувенир, говорит, чтобы долго помнила. Так что дядька вроде не жадный. А расплачивался прижимисто. Всего тысячу баксов дал. Для честной девушки, каковой я представилась, это прямое оскорбление! Хотя... За одну случайную ночь...

– Дура ты, ну вот как есть дура! – не выдержала я. – Это тысяча баксов – сувенир. А расплатился он с тобой на самом деле изумрудом! Ведь если этот камень по-умному продать, так на хорошую тачку хватит! Или на квартиру в престижном районе.

– А ведь и правда... – захлопала ресницами Генриетта. – Слушай, да это самый крутой гонорар за всю мою карьеру!

– Прозрела... Такие гонорары получала разве что Клеопатра. Ну, и ты теперь с ней сравнялась. – Генриетта закурилась по комнате. – И не обольщайся, что он принял тебя за честную девушку.

– Почему это? – обиделась она.

Я хмыкнула:

– Устроила скандал, как на базаре, и тут же улеглась с ним в койку. Бездарная ты актриса. Он же не дебил, в самом деле. Понял всё быстро и правильно.

– А как надо было?

– Смотря что ставить конечной целью. Я тут было размечталась, что мы его женим на тебе. Но для этого бы нам понадобилось гораздо больше времени и мой неусыпный контроль. Но это была моя цель. А своей-то цели ты достигла. Радуйся, дуручка несчастная!

– Ну, была бы я двадцать седьмой женой в гареме, – капризно выпятила губки Женя. – И что хорошего?

– Нет у них теперь таких гаремов. А если бы две-три жены и обнаружились, мы бы их живо задвинули в чулан! Эх, да что теперь говорить... Расскажи лучше, как на Квашню нарвалась?

Женька довольно захихикала, вспоминая, и даже потёрла свои божественные руки.

– Захотелось нам утречком освежиться, и заказал мой падишах холодного шампанского. Ну, доставили нам, всё честь по чести: шампанское в ведёрке, ведёрко на тележке, а тележку везёт... Квашня! Официанткой переделалась, думала – самая умная. Я представляю, сколько денег она отвалила настоящей официантке за этот маскарад! И всё, выходит, зря... А для Квашни деньги потерять – хуже, чем глаза лишиться.

– Все вы одинаковые...

– Не скажи... Деньги деньгами, но ведь и кураж, и момент творчества... А, ладно! В общем, вкатывает она тележку с шампанским, а я сижу на диване в объятиях восточного принца, и из одежды на мне – только это кольцо. Квашню столбняк одолел: глаза выпучила, ручкой-ножкой не колышет. Подхватился мой Аладдин, хотел за мной поухаживать, но я

его обратно усадила. Обычай, говорю, у нас такой: официанты всё делают сами. Пришлось бедной толстухе и бутылку откупорить, и вино мне налить... Ну, это был цирк!

– Зато и реванш она взяла сполна, – указала я на багрово-фиолетовый синяк с желто-зеленой окантовкой.

– Да, это я лоханулась. Когда от интуриста уходила, утратила бдительность. А эта зараза меня на лестнице подстерегла и фэйсом о свою коленку приложила. Я в последний момент извернулась. Главное – ей не удалось сломать мне нос! А синяк... Пройдёт, что ему сделается...

Женька достала заработанную тысячу и честно отсчитала мне пятьсот баксов. Хорошо бы получить ещё и половину стоимости кольца... Но я рассудила, что, во-первых, у неё нет таких денег в наличии, а во-вторых, фокус с дыркой в стене она придумала самостоятельно. Ну, и работала, конечно, себя не жалея... Поэтому про кольцо я ничего говорить не стала.

Конец света был назначен на завтра, аккуратно на середину дня, но ни из одного своего окна я солнца в это время не вижу. Над крышей оно. А затмение посмотреть очень хотелось. И решили мы с подругой идти на Крещатик. Там ширь и простор, народу много, апокалипсис не так страшен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.